

УДК 801

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ СМИ КАК КОГНИТИВНО-ВЕРБАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

© 2011 г.

О.В. Фокина

Московский государственный педагогический университет

ofokina@list.ru

Поступила в редакцию 28.12.2010

Рассматривается актуальная лингвистическая проблема – интертекстуальность в современных российских публицистических текстах. Предлагается различать две категории – вербальные (ссылка, сноски, некоторые цитаты и др.) и когнитивно-вербальные (реминисценция, аллюзия и др.) интертекстуальные включения.

Ключевые слова: медиадискурс, интертекстуальность, интертекстуальные включения, интертекстуальный репертуар, реминисценция, аллюзия, сноска, ссылка, цитата.

Активизация интертекстуальных связей – одна из ведущих тенденций современных средств массовой информации. Наше исследование посвящено анализу интертекстуальности печатных СМИ начала XXI века. Отличие текстов публицистического функционального стиля от текстов других стилей состоит в разнообразии способов включения «чужого слова» в медиатекст. В проанализированных текстах нами обнаружены как формы интертекстуальности, традиционно используемые в художественной литературе (реминисценции, аллюзии, интертекстуальные заглавия, цитаты, в том числе точечные, эпиграфы, пересказ, пародия, продолжение – см. [1; 2] и др.), так и свойственные научным и официально-деловым текстам ссылки и сноски, точные цитаты и др. Без опознания читателем интертекстуальных элементов невозможно восприятие текста во всей его смысловой полноте.

В лингвистике последних десятилетий активно обсуждается вопрос о соотношении коллективной и индивидуальной базы знаний, а также о наличии «интертекстуального тезауруса» и «интертекстуальной энциклопедии» как части коллективной культурной памяти. Традиционно под тезаурусом понимается результат когнитивной деятельности – ментальное представление о мире, картина мира [3, с. 102–109], «в лингвистике, семиотике, информатике, теории искусственного интеллекта и других областях знания – тезаурус обозначает некоторое особым образом оформленное накопление. В информатике и теории искусственного интеллекта обращается внимание на систематизацию данных, составляющих тезаурус, и на их ориентирующий характер. Именно такая характери-

стика тезауруса легла в основу содержания этого понятия в общегуманитарном тезаурусном подходе: тезаурус – это структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект» [4, с. 559]. Г.В. Денисова предлагает следующее определение: «Область культурной памяти, представленную определённым набором текстов, который составляет основу презумпции интертекстуальности, и можно считать интертекстуальной энциклопедией» [5, с. 147–148]. Мы будем использовать для описания функционирования интертекстуальных элементов следующие термины: *интертекстуальный тезаурус, активный и пассивный интертекстуальный запас, интертекстуальный тезаурус языковой личности, интертекстуальная компетентность, интертекстуальный репертуар, вербальные и когнитивно-вербальные интертекстуальные включения.*

Частью тезауруса является интертекстуальный тезаурус, включающий в себя текстовую составляющую картины мира. Интертекстуальный тезаурус языка условно можно разделить на две неравные по объёму части: активный (понятный любому среднестатистическому носителю данного языка / лингвокультуры, представленный универсально- и национально-прецедентными интертекстуальными феноменами) и пассивный интертекстуальный запас, круг использования которого в настоящий период развития языка сужен под влиянием различных лингвистических и экстралингвистических факторов (включает социумно-прецедентные феномены и интертекстуальные явления, не являющиеся прецедентными в настоящее время, в том числе устаревшие и новые).

Под интертекстуальным тезаурусом языковой личности мы понимаем индивидуальный тезаурус, входящий в структуру языковой личности (см. [6]), интертекстуальная компетентность подразумевает понимание интертекстуальных включений в воспринимаемом тексте, интертекстуальный репертуар включает всю сумму интертекстуальных отсылок, используемых адресантом в устной или письменной речи.

В зависимости от того, необходимо ли при дешифровке интертекстуального включения обращение к интертекстуальному тезаурусу адресата, можно выделить два уровня интертекстуальных включений – вербальный и когнитивно-вербальный. К вербальному уровню можно отнести такие интертекстуальные отсылки, которые адекватно «прочитываются» читателем независимо от того, знаком ли он с претекстом (ссылки, сноски, точные атрибутированные цитаты): *А что моя Яся? Она и мышей-то не ловит за неимением таковых. Скребет когтями диван опять же под мою ругань. Однако люблю я ее, дурочку, за то что она существо слабое и неспособное добывать пропитание. Прямо по Сент-Экзюпери «Ты в ответе за тех, кого приручил»* («Комсомольская правда» 20.08.2010); дополнительным маркером интертекстуальности является структурно-текстовая позиция, например эпиграф: *Большой талант требует большого трудолюбия. Петр Чайковский* («Комсомольская правда» 29.08.2006) или сноска: *Свинг (англ. Swing) – стиль джазовой музыки, характерной чертой которого является развитая сольная импровизация, сложный аккомпанемент и большой состав исполнителей. Современный словарь иностранных слов.* (Вечерняя Москва 23.01.2003). В данных случаях в тексте присутствуют маркеры интертекстуальности и прямая отсылка к претексту. Читатель осознает, что маркированный фрагмент текста представляет собой отсылку к «чужому слову», вся необходимая для понимания интертекстуального фрагмента информация (указание на наличие интертекстуальной отсылки, на автора, цитата – точная или с минимальной трансформацией, как правило, на грамматическом уровне) присутствует в контексте, иногда сопровождается метатекстовым комментарием. Вербальные интертекстуальные включения понятны не только носителям языка, но и иностранцам, изучающим русский язык.

К когнитивно-вербальным интертекстуальным явлениям отнесем те, дешифровка которых возможна только при знании адресатом интертекстемы (реминисценция, аллюзия, немарки-

рованная и неатрибутированная цитата и квазицитата, пародия и т.п.). При этом обратим внимание на то, что до настоящего времени существуют различные подходы к определению реминисценции и аллюзии. Так, в литературоведении, стилистике, риторике аллюзия традиционно рассматривается как стилистический приём, стилистическая фигура, приём текстообразования, то есть как текстовое явление, состоящее в употреблении какого-либо слова (в том числе имени), фразы, цитаты в качестве намека на некий общеизвестный, как правило, общественно значимый факт, например: «АЛЛЮЗИЯ, наличие в тексте (выделено нами – О.Ф.) элементов, функция которых состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам» [7]. Реминисценция чаще всего определяется как «намеренное или невольное воспроизведение поэтом знакомой фразовой или образной конструкции из другого художественного произведения. Иногда реминисценция выражается копированием ритмико-синтаксических ходов» [8, с. 278]. Текстовый характер явления подчеркивает термин *текстовая реминисценция* – «осознанные vs неосознанные, точные vs преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее ранее произведенным текстам в составе более позднего текста...» [9, с. 17]. Таким образом, аллюзия и реминисценция традиционно изучаются как стилистические фигуры.

В литературоведении и теории интертекстуальности исследуется спорный вопрос о соотношении между цитацией, реминисценцией и аллюзией. Существует терминологическое смешение, неоднозначное понимание того, что является видовым, а что – родовым понятием. Как родовое понятие реминисценцию рассматривают, в частности, Г.Г. Слышкин [10] и В.П. Москвин [11]. Так, Г.Г. Слышкин называет аллюзию «наиболее трудноопределимым видом текстовой реминисценции» [10, с. 8]. В.Е. Хализев считает точную или неточную цитату наиболее распространенной формой реминисценции [12, с. 253]. Таким образом, реминисценция, по мнению данных исследователей, включает в себя аллюзию и цитацию. Известен и противоположный подход: «аллюзию, денотатом которой являются “внетекстовые” элементы, т.е. события и факты действительного мира, иногда называют реминисценцией» [7]. Н.А. Фатеева называет аллюзией «заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-

реципиенте, где и осуществляется их предикация» и считает, что «именная аллюзия может выступать как реминисценция». Под реминисценцией Н.А. Фатеева понимает «отсылку не к тексту, а к событию из жизни другого автора, которое, безусловно, узнаваемо» [13, с. 128–133]. Цитата как частное проявление феномена «чужого слова», «любое осознанное или не осознанное автором включение в его текст любого знака из “чужого” текста или другой знаковой системы» [14, с. 69] – родовое понятие в теории интертекстуальности. И.П. Смирнов называет цитатой переключку любого вида, соединяющую между собой литературные памятники, всякое реминисцентное содержание, извлекаемое читателями из произведения [15]. По мнению Е.А. Козицкой, цитата – родовое понятие, ее частными разновидностями являются аллюзия, отсылка, намек [16].

Ряд исследователей обращает внимание на ментальные механизмы возникновения аллюзии: «Аллюзия – прием, состоящий в ассоциативной отсылке к известному для адресата факту виртуальной либо реальной действительности» [17, с. 65], см. также [6].

Для уточнения статуса реминисценции и аллюзии, их места в текстовом пространстве нами был проведен эксперимент, нацеленный на опознание интертекстем в газетных текстах. Информантам различного возраста, пола и уровня образования был предложен для анализа ряд интертекстуальных фрагментов, содержащих имплицитные (немаркированные и неатрибутированные) цитаты и квазичитаты. Цитатой мы называем введение в публицистический текст интертекстемы (фрагмента первичного текста) в исходном, неизменном виде, квазичитатой – количественную, качественную или комплексную трансформацию интертекстемы. Эксперимент подтвердил, что интертекстуальные элементы участвуют в формировании содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации, но выделение информантами интертекстуальных элементов носит субъективный характер. Если цитата и квазичитата – объективно существующие компоненты структуры текста, то реминисценция и аллюзия не заданы текстом как единственно возможный вариант интерпретации, они потенциальны.

Газетный заголовок *Призрак туризма из Европы бродит по области и предлагает деньги (но первая российская беда никак не может построить дороги)* («Правда Севера» 30.10.2001) большинством информантов был

воспринят как интертекстуальный. Он вызвал у 75% опрошенных реминисценцию «в России две беды – дураки и дороги», у 55% (преимущественно у читателей 35 лет и старше) – «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» («Манифест коммунистической партии»), 45% информантов предложили оба ответа. 15% информантов не оценили текстовый фрагмент как интертекстуальный. Такие реакции неинтертекстуального характера, как «развитию туризма в России мешают наши условия», «в России плохие дороги», «развивать туризм выгодно» и т.п., можно отнести к числу аллюзий, если рассматривать аллюзию как намек на общеизвестный факт.

Многие текстовые фрагменты опознаются как интертекстуальные ограниченным числом информантов. Так, интертекстуальным фрагментом считают заголовок сообщения о прогнозе погоды *Грянет майский гром* («Российская газета» 06.05.2005) 60% опрошенных: 35% информантов полагает, что источником реминисценции стала песня «Дождь» группы «ДДТ», 20% – стихотворение Ф.И. Тютчева «Весенняя гроза», 5% ответов свидетельствует о том, что фраза воспринимается как устойчивая, но её источник неизвестен. Реминисцентная реакция на фрагмент *В общем, как вы уже поняли, Михаил Ефремов весь в трудах и заботах, аки пчела* (Московский комсомолец 09.11.2002) проявилась в 70% реакций, источником интертекстуальных связей назывался художественный фильм «Иван Васильевич меняет профессию», в 10% случаев – пьеса М.А. Булгакова. Остальные реакции можно отнести к числу аллюзивных или ассоциативных: «трудится, как пчелка», «как пчела, трудолюбивый», «как в улье», «пчелы много работают».

Совпадение реакций всех испытуемых произошло в единичных случаях: *Жара и дождик – день чудесный* («Российская газета» 22.07.2005) – «Мороз и солнце; день чудесный!» (А.С. Пушкин «Зимнее утро»); *Восток – дело трубное* («Аргументы и факты» 2005, № 47) – «Восток – дело тонкое» (художественный фильм «Белое солнце пустыни») и др; как правило, однозначную реминисцентную реакцию вызывают цитаты или квазичитаты с минимальной степенью трансформации, источник которых – некоторые входящие в обязательную школьную программу классические тексты русской и мировой художественной литературы (стихи А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, В. Шекспира, произведения А.П. Чехова, М.А. Булгакова, басни И.А. Крылова и т.п.), советские комедии

1960–1970-х гг., эстрадные песни 1980-х гг., некоторые анекдоты, известные практически каждому среднему носителю русской лингвокультуры.

Анализируемый материал позволяет сделать предположение о том, что цитация/квазичитация, с одной стороны, и реминисценция (аллюзия), с другой, связаны как вербальные и когнитивно-вербальные явления. Цитата/квазичитата служит стимулом для возникновения определенных культурных, исторических, литературных, политических аллюзий. Авторская интенция содержит намерение вызвать у читателя определенные реминисценции и аллюзии, на текстовом уровне их репрезентантом и маркером являются цитаты и квазичитаты. Авторские и читательские реминисценции и аллюзии могут совпадать или не совпадать (в этом случае можно говорить о коммуникативной неудаче), что зависит от характеристик языковой личности, воспринимающей текст (фоновых знаний читателя, его культурного уровня, особенностей мировоззрения, интересов и предпочтений, возраста, профессии и др.). При этом аллюзии, как правило, продуцируются на ассоциативном уровне, реминисценции основываются на вычлениии текстовых фрагментов. Так, интертекстема «По улицам слона водили» – база литературной реминисценции *На выставке бревно пилили* («Архангельск» 02.11.2001), созданной путем копирования ритмико-синтаксической структуры интертекстеми. Одной из целей интертекстуального анализа является исследование лингвистического механизма создания реминисценций и аллюзий. Таким механизмом может быть цитация и квазичитация (трансформации на фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом уровнях создают реминисценции; максимальная степень трансформации, при которой сохраняется лишь семантическая основа интертекстеми, а её формальные признаки полностью утрачиваются, — один из механизмов создания литературной аллюзии). Нам представляется, что аллюзия как интертекстуальное явление — одна из разновидностей аллюзии.

Итак, в структуре публицистического текста можем выделить вербальные интертекстуальные включения, опознание которых возможно независимо от объема интертекстуального тезауруса адресата, а также когнитивно-вербальные, полноценное понимание которых возможно лишь в том случае, когда интертекстуальная компетентность адресата публицистического текста соответствует интертекстуальному ре-

пертуару адресанта. В противном случае возникает коммуникативная неудача: интенции автора, включая намерение вызвать определенные ассоциации, в том числе окказиональные, не в полной мере «прочитываются» адресатом, вследствие чего прагматическая функция реализуется недостаточно эффективно.

Список литературы

1. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. т. 57. № 5. С. 25–38.
2. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
3. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М: Наука, 1986. 143 с.
4. Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке / Под общ. ред. В.А. Лукова. М.: Изд-во Нац. Ин-та бизнеса, 2006. 675 с.
5. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
7. Кругосвет: Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru> (дата обращения 15.03.2011).
8. Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. 2-е изд., стер. М.: Дрофа, 2000. 464 с.
9. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания 1995. № 6. С. 17–29.
10. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 1999. 18 с.
11. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. М.: Едиториал УРСС, 2004. 248 с.
12. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999. 405 с.
13. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
14. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Изд-во «Ось-89», 1999. 192 с.
15. Смирнов И.П. Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX – начала XX в. // Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 246–276.
16. Козицкая Е.А. Смыслообразующая роль цитаты в поэтическом тексте. Тверь: Тверской госуниверситет, 1999. 140 с.
17. Москвин В.П. Цитирование, аппликация, парафраза: к разграничению понятий // Филологические науки. 2002. № 1. С. 63–70.

**INTERTEXTUALITY IN THE MODERN RUSSIAN PUBLICISTIC TEXTS
AS THE COGNITIVE-VERBAL PHENOMENON**

O.V. Fokina

The article is focused on the linguistic problem of intertextuality in the modern Russian publicistic texts. We propose to distinguish two cognitive categories: verbal (footnotes, references, some quotations) and cognitive-verbal (reminiscences, allusions, etc.) intertextual inclusions.

Keywords: media discourse, intertextuality, intertextual inclusions, intertextual repertoire, reminiscence, allusion, footnote, reference, quotation.